

К.В. Истомин*, Н.А. Лискевич**, О.И. Уляшев*

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167000
E-mail: kistomin@naver.com;
oulyashev@mail.ru

**ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: povod_n@mail.ru

КОМИ-ИЖЕМСКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО: ЭТНИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ¹

Поднимается проблема типологизации оленеводческого хозяйства. На основе этнографических материалов, собранных авторами среди локальных групп коми-ижемских оленеводов, сравниваются технологические особенности «классического» коми-ижемского оленеводства с оленеводством наиболее удаленных от него крайних восточных и крайней западной групп ижемских переселенцев. Выявляются специфика ведения хозяйства у разных этноареальных групп и значительные различия в технологическом отношении. В связи с этим ставится вопрос о содержании понятия «ижемское оленеводство» и сферах его применения. Анализ показывает, что это понятие может обозначать технологическую систему оленеводства, сложившуюся у коми-ижемских оленеводов Большеземельской тундры во второй половине XIX в. и в настоящее время не существующую. Комплекс конкретных технологических приемов не имеет единства у большинства современных ижемских оленеводов и в то же время присутствует в оленеводстве других народов, ведущих хозяйство в сходной природно-географической зоне. Сохранившаяся общность комплекса материальной и духовно-нормативной культуры у ижемских оленеводов может быть обозначена термином «ижемский оленеводческий комплекс», но его применение в исследованиях традиционного хозяйства и современного оленеводства весьма ограничено.

Ключевые слова: коми-ижемцы, ижемское оленеводство, технология оленеводства, типы оленеводства.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-114-125

Введение

Проблема типологизации оленеводческого хозяйства до сих пор недостаточно разработана как в отечественной, так и в зарубежной этнографии. Критериями классификации обычно выступают технологические особенности ведения оленеводческого хозяйства, в комплекс признаков для выделения типов оленеводства включается также территориальная обособленность, соотносящаяся с конкретной природно-географической зоной [Богораз-Тан, 1932, 1933; Василевич, Левин, 1951; Головнев, 1993, с. 75–106; Клоков, Хрущев, 2004, с. 13]. В западной этнографии наиболее разработанной является типологизация оленеводческого хозяйства по степени контроля оленеводов над оленьими стадами (так называемая шкала интенсивности/экстенсивности) [Beach, 1981, 1990]. В исследованиях встречаются также имплицитные попытки типологизации оленеводства по этнотерриториальному признаку, находящие выражение в таких понятиях, как «хантыйское оленеводство», «олeneводство манси», «корякское оленеводство». Эти понятия подчеркивают глубокую связь между оленеводством и этнической культурой. Но адекватность их использования при выделении типов оленеводства как производственной отрасли остается неясной: такие типы непременно должны базироваться на определенных технологиях или, по крайней мере, включать в себя технологические особенности оленеводческого хозяйства, ибо именно набор технологий в широком смысле этого слова лежит в основе производства. Однако действительно ли можно говорить об этническом оленеводстве, например, ненцев, хантов, манси или саамов как об особых технологических типах оленеводческого хозяйства, кото-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-11-11001 «Локальные группы коми Надымского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого АО: язык, культура, история формирования». Полевые материалы на Кольском п-ве собирались в рамках проекта РФФИ № 17-01-00084 «Пост-советский совхозизм: пути и возможности трансформации (на примере оленеводческих хозяйств арктической зоны европейской России)».

рые можно противопоставить в этом смысле оленеводству других групп? По нашему мнению, этот вопрос не имеет однозначного решения, действительного для всех этнических групп и регионов: его, видимо, следует решать отдельно в случае каждой этнической группы, анализируя применяемую ее представителями в различных районах обитания оленеводческую технологию и эмпирически выделяя в ней черты как общие, так и отличные в сравнении с другими группами.

Попытаемся провести такой анализ в отношении оленеводства коми-ижемцев². Понятие о коми-ижемском оленеводстве как об одном из типов оленеводческого хозяйства или отдельном хозяйственном комплексе часто встречается в литературе (напр.: [Козьмин, 2003; Конаков, Котов, 1991; Истомин, 2004, 2015; Повод, 2006, с. 70–72]). В качестве его основного признака обычно называется рыночный характер, т.е. признак сам по себе не технологический и, более того, исчезнувший вместе с разрушением рыночной экономики и коллективизацией советского периода. Впрочем, рыночная направленность коми-ижемского оленеводства и связанное с ней стремление к максимизации товарного выхода обусловили появление ряда технологических черт: крупностадность и строгий поднадзорный выпас стад, или, как сказали бы западные коллеги, высокая интенсивность оленеводства. Выясним, насколько те или иные технологические особенности свойственны всем ижемским оленеводам или только их части, и соответственно попробуем ответить на вопросы: насколько вообще справедливо говорить о коми-ижемском оленеводстве как о целостной технологической системе и насколько она имеет этнический характер.

Основными источниками исследования послужили этнографические материалы, собранные в ходе полевых работ на севере Республики Коми и в Ненецком автономном округе среди оленеводов бассейна средней Печоры (т.е. исторической родины коми-ижемского оленеводства), а также среди коми оленеводов Пуровского и Надымского районов Ямало-Ненецкого автономного округа. Кроме того привлекаем материал, собранный у коми оленеводов Кольского п-ва. Источниковая база позволяет сравнить технологические особенности «классического» коми-ижемского оленеводства с оленеводством наиболее удаленных от него крайних восточных и крайней западной групп ижемских переселенцев.

Происхождение и распространение коми-ижемского оленеводства

Появление оленеводства у коми-ижемцев относится, по всей вероятности, ко второй половине или к концу XVII в. [Лашук, 1958; Жеребцов, 1982, с. 162]. По мнению Н.Д. Конакова, коми первооселенцы в бассейне р. Ижма освоили оленеводство вследствие угасания товарной охоты, что, помимо прочего, стало инструментом обеспечения притока импортных товаров и стабилизации за счет этого хозяйственного комплекса. Это, согласно Н.Д. Конакову, и обусловило выраженный рыночный характер коми-ижемского оленеводства [Конаков, Котов, 1991, с. 22, 24–25]. Практики обращения с северным оленем, базовые знания об экосистеме северной тайги и тундры, основные элементы кочевого быта, включая кочевое жилище (чум), олени нарты различных типов (в том числе практики их запряжки, погрузки и разгрузки), верхняя меховая одежда и обувь были заимствованы коми у своих соседей — ненцев [Керцелли, 1911; Старцев, 1926; Лашук, 1958; Жеребцов, 1982; Istomin, 2011; Istomin, Nabek, 2016]. Однако заимствование технологических практик следует отличать от заимствования оленеводства как производящей отрасли хозяйства, которая начала формироваться у ненцев лишь в XVIII в. До этого основу хозяйства ненцев составляли мобильная охота, рыболовство и, в некоторых прибрежных районах, охота на морского зверя [Головнев, 1989, 2003; Krupnik, 1993], в то время как немногочисленные домашние олени использовались почти исключительно в качестве транспортных животных и практически никогда не забивались на мясо и шкуры. Вероятно, сложение оленеводства как производящей отрасли хозяйства у коми и ненцев происходило одновременно на протяжении XVIII в., на общей базе ненецкого транспортного оленеводства и связанных с ним практик и в условиях постоянных контактов между двумя народами.

По-видимому, к середине XIX в. у оленеводов-ижемцев Печорского края окончательно сложились технологические черты выпаса оленей и оленьих миграций, прежде всего круглосуточный надзор за стадом весь бесснежный период года [Schrenck, 1848; Керцелли, 1911]. В этот период пастух с несколькими оленегонными собаками следил за тем, чтобы олени не слишком расходились по пастбищу, предотвращал откол от стада и уход из него мелких групп

---

² Коми-ижемцы — одна из этнографических групп коми, проживающих на севере европейской части России и Западной Сибири.

животных (полаков), добивался как можно более полного стравливания тундровых участков, разворачивая стадо и заставляя его проходить одни и те же участки пастбища несколько раз. Со второй половины XIX в., когда в приуральских тундрах начали проявляться признаки перенаселенности, одной из важных функций круглосуточного надзора становится также предотвращение смешивания стад различных хозяев.

Постоянный надзор за животными в летний период имел и недостатки. Коми оленеводы Большеземельской тундры вынуждены постоянно «паковать» оленей на пастбище, сбивать их в одну кучу и вести по территории плотной группой, а не «широким фронтом». Это необходимо для того, чтобы пастух держал все стадо под надзором, а также мог легко остановить или развернуть его. Но скученное стадо движется по пастбищу значительно быстрее, чем разреженное, и эту разницу часто не компенсирует даже манера коми оленеводов по возможности разворачивать стадо и прогонять по одному и тому же участку несколько раз. Поэтому ижемцы Большеземельской тундры оказываются вынуждены совершать частые перекочевки. Это, видимо, повлекло за собой формирование второй важной особенности ижемского оленеводства Большеземельской тундры: правильной меридиональной системы кочевания, при которой стада выпасаются в узких, но длинных «коридорах» пастбищ, идущих от тайги и лесотундры, где стада находятся зимой, к берегу океана, где располагаются летние пастбища.

Выпас животных в зимний период отличался от летнего. Короткие световые дни и длинные темные ночи делали круглосуточное наблюдение за стадом невозможным, да и ненужным. После установления снежного покрова активность оленей снижается, поскольку им приходится проводить все больше времени за рытьем пищевых ям в снегу. Следовательно, снижается риск разрыва стада, ухода из него групп оленей и смешивания с другими стадами. Стадо зимой не столько пасли, сколько проверяли, по возможности ежедневно объезжая его вокруг на лыжах (если стадо выпасалось в лесу) либо упряжке (если стадо паслось в лесотундре). Кочевки зимой происходили значительно реже: на одном месте стояли по несколько недель.

К середине XIX в. у ижемских оленеводов сложился целостный комплекс материальной культуры, социальных отношений и черт быта. Его ядро образовал ненецкий оленеводческий комплекс, но ижемцы внесли в него ряд модификаций. Основой оленеводческого хозяйства ижемцев была кочевая группа, состоявшая из семей, связанных между собой либо родством, либо экономически (хозяин и батрак). При этом уже в конце XIX — начале XX в. практиковалось проживание двух оленеводческих семей в одном чуме, где каждая семья занимала отдельную половину (*чомбёк*). Это определило такую важную конструктивную особенность ижемского чума, как наличие в нем круглый год пологов (*балаган*), отделяющих ночью спальные места друг от друга и от общего пространства в центре чума. Другой конструктивной чертой, отличающей ижемский чум от ненецкого, является отсутствие в нем священного шеста — *сымзы*. Два параллельных земле шеста для поддержки котлового крюка (у коми они называются *чукича*), которые в ненецком чуме привязываются к *сымзы*, в ижемском чуме идут параллельно друг другу и привязываются к двум шестам ската чума напротив входа³. Помимо котлового крюка, эти шесты поддерживают иконную полку, располагающуюся у стены напротив входа. Примечательно, что, в отличие от ненецкого чума, у ижемцев женским считается место в самой глубине чума, возле иконы, а не возле входа. Место рядом со входом считалось мужским: там мужчины, входя в чум, оставляли малицы, *тасмы* (пояса) и оружие.

Используемые ижемцами при перекочевках олени нарты включают те же конструктивные типы, что и ненецкие [Хомич, 1995]. Однако и в их конструкцию ижемцы внесли некоторые усовершенствования. Во-первых, ижемские нарты заметно выше ненецких. Особенно это касается женских ездовых нарт, которые выше мужских и имеют высокие борта. Среди грузовых нарт следует отметить *лар* — нарты с ящиком для хранения пищевых припасов, — который, скорее всего, является ижемским изобретением. Кроме того, для ижемцев характерна особая конструкция упряжи ездового оленя с глухой плечевой петлей (при запряжке переднюю ногу оленя

³ Во второй половине XX в. в части ижемских совхозных оленеводческих бригад получили распространение чумы, основу которых составляет не мокота (два шеста, скрепленных сверху веревочной петлей), а так называемая треног (трёног) — три шеста, связанных вместе у вершины. В результате использования такой конструкции внутренний шест в ижемских чумах все-таки появился, причем использующие эту конструкцию оленеводы даже иногда называют его *сымзы*. Впрочем, он все равно сильно отличается от ненецкого *сымзы* как по виду, так и по расположению, и не используется для поддержки *чукича*.

приходится поднимать и проводить сквозь нее). Эта конструкция упряжи известна среди ненцев как *нгызмаподер* (ижемская упряжь).

У ижемских оленеводов отсутствует специальная женская меховая одежда (типа ненецкой паницы/ягушки). Как мужчины, так и женщины в тундре носят малицы, различающиеся цветом опушки капюшона — белый или светлый у женщин и темный у мужчин. Кроме того, женщины обычно носят более светлые маличные рубахи. По покрою ижемская малица отличается от ненецкой тем, что капюшон более плотно прилегает к голове и его нельзя сбросить. Ижемцы всегда надевали меховую одежду поверх тканей — рубахи и штанов у мужчин и сарафанного комплекта у женщин.

Своеобразны духовная культура и обычаи ижемских оленеводов. Будучи православными христианами, ижемцы стремились сохранить в тундре элементы христианской календарной и семейной обрядности. Особенно ижемские оленеводы почитали св. Илью Пророка, которого считали покровителем оленей и оленеводства. В повседневной жизни ижемцы были свободны от большинства суеверий и запретов, характерных для их соседей — ненцев и хантов, в особенности от обременительных женских запретов — факт, составлявший предмет особой гордости ижемцев.

Оленеводство этноареальных групп ижемцев

История расселения ижемцев с их исторической родины в бассейне Печоры и формирования ижемских этноареальных групп исследована крайне неравномерно. Можно с уверенностью утверждать, однако, что занятия оленеводством и связанные с ним интересы, такие как поиск новых, богатых биоресурсами пастбищ и стремление защитить свои стада от эпизоотий, неизменно играли основную роль в этом процессе⁴. Пожалуй, наиболее полно описана история формирования крайней западной этноареальной группы ижемцев на Кольском п-ве [Конаков и др., 1984; Конаков, 1986; Конаков, Котов, 1989; 1991, с. 46–195; Took, 2004]. Первые несколько семей ижемцев из Печорского края появились там в середине 1880-х гг. Основная часть ижемских переселенцев прибыла на Кольский п-ов в результате двух волн переселения, пришедших на 1890-е гг. и вторую половину 1920-х гг. В основном это были оленеводы и в меньшей степени оседлые ижемцы, потерявшие свои хозяйства в результате эпизоотии сибирки 1882–1884 гг. (первая волна) либо политических и экономических неурядиц в Печорском крае (вторая волна) и стремящиеся возродить их на новом, более спокойном месте. Формирование кольской группы ижемцев завершилось в начале 1930-х гг., когда коллективизация и привязка ижемских оленеводов к колхозам сделала невозможным дальнейший обмен населением между Печорским краем и Кольским севером. В настоящее время оленеводство остается основным занятием для значительного числа живущих на Кольском п-ве потомков переселенцев из Печорского края: они составляют подавляющее большинство пастухов и специалистов двух ныне существующих на полуострове крупных оленеводческих предприятий: СПК «Тундра» (с. Ловозеро) и СПК «Оленевод» (с. Краснощелье) — и, таким образом, отвечают за сохранность большей части 50-тысячного стада домашних оленей полуострова.

История крайних восточных пуровской и надымской групп ижемцев известна значительно хуже. Переселение ижемцев из Ижмо-Печорского региона за Урал было обусловлено потребностью в расширении пастбищных угодий и активным участием в торгово-посреднической деятельности с коренным населением. Этап формирования ижемского населения на территории Березовского округа Тобольской губернии относится к началу 1840-х гг., когда появляются первые коми поселения. Численность коми-ижемцев на территории Зауралья быстро увеличивалась за счет высокой рождаемости и притока новых переселенцев. Ижемские оленеводы и торговцы постепенно осваивали северо-восточные территории, в начале 1890-х гг. обосновались в бассейне рек Надыма и Ныды. В Надымском крае они проживали в основном оседло, занимаясь животноводством, земледелием, промыслами, торговлей с «низовыми самоедами» [Волжанина, 2004; Дмитриев-Садовников, 1917; Дунин-Горкавич, 1996, с. 343–345]. В 1929 г. был организован оленеводческий совхоз «Надымский», в 1933 г. на его базе создали Кутопьюганский и Ныдинский совхозы. Руководство совхозов активно вербовало пастухов, особенно коми-ижемцев, которые приезжали с разных территорий — из Шурышкарского, Березовского, При-

⁴ Пожалуй единственным, да и то частичным, исключением являются крайние восточные группы ижемцев — пуровские и казымские, формирование которых происходило в основном в результате осуществления государственной политики коллективизации и колхозно-совхозного строительства.

уральского районов, Салехарда (Обдорска) и даже Воркуты. Вместе с ижемцами нанимались на работу и потомственные оленеводы из европейских ненцев. В конце 1937 г., после преобразования Кутопьюганского совхоза, был создан совхоз «Пуровский» с центром в с. Самбург, в 1945 г. появился совхоз «Верхнепуровский» с центром в Тарко-Сале. В связи с этим в бассейн Пура продолжилось продвижение отдельных семей оленеводов из Надымского района. Состав оленеводческих бригад был смешанным, вместе с ижемскими пастухами работали европейские ненцы, сибирские тундровые и лесные ненцы.

Сравнение технологических приемов выпаса оленей показывает, что наибольшее сходство с «классическим» оленеводством ижемцев Большеземельской тундры имеет современное оленеводство территориально наиболее удаленных от нее пуровских ижемцев. Этот факт весьма примечателен еще и потому, что оленеводство местных лесных и тундровых ненцев, в окружении которых живут комиязычные переселенцы бассейна Пура, весьма отличается от описанного оленеводства ижемцев. Так, оленеводческие бригады современного СПК «Пуровский» неформально делятся на две группы: «северную», включающую бригады, кочующие по левому берегу р. Пур, т.е. на землях, выделенных совхозу «Пуровский» при его создании, и «южную», кочующую по правобережью Пура. Исторически пастбища по правому берегу Пура принадлежали колхозам, созданным из местных ненцев, которые вошли в состав совхоза «Пуровский» в результате укрупнения сельскохозяйственных предприятий в конце 1950-х гг. Разница между «северными» и «южными» видна при изучении карты их кочевок: северные бригады кочуют меридионально, с юга на север, следуя четкому графику кочевания. Их зимние пастбища находятся в лесотундре в районе г. Нового Уренгоя, в то время как территории летнего выпаса располагаются в устье Пура и на побережье Тазовской губы. Для перекочевок бригады используют неизменные кочевые тропы-вэрга, следующие параллельно одна другой (и параллельно течению Пура) на расстоянии 10–15 км друг от друга. В летнее время стада «северных» бригад находятся под постоянным надзором пастуха на упряжке. По данным интервью с оленеводами и зоотехником совхоза, у них сохраняются отдельные элементы технологии «пакования». «Южные» бригады не имеют неизменных маршрутов и троп кочевания и кочуют «кругами» в тундровой зоне, уходя от берега реки вглубь тундры на зиму и возвращаясь к берегу летом. При этом как протяженность, так и частота кочевок этих бригад крайне мала: фактически многие из них кочуют всего несколько раз в год. По полевым данным, в «южных» бригадах широко распространен свободный выпас оленей, и оленеводы собирают свои стада раз в несколько дней, по мере необходимости в замене транспортных животных или в забое оленя на мясо и шкуры. Такой способ выпаса значительно больше напоминает технологию, применяемую оленеводами соседней Тазовской тундры, чем способ, практикуемый «северными» бригадами того же предприятия.

Впрочем, даже применяемая на нижнем Пуре технология выпаса отнюдь не связана с этнической идентификацией либо историческим происхождением оленеводов. Так, хотя большинство северных бригад полностью или частично состоит из потомков оленеводов — переселенцев на Пур 1930-х гг. (многие из которых теперь считают себя ненцами), имеются среди них и бригады, состоящие из исконных жителей этих мест и говорящие на тундровом и лесном диалектах ненецкого языка, что не мешает им использовать при выпасе описанную выше близкую к «классической ижемской» технологию выпаса. С другой стороны, в 1990-е гг. по крайней мере одна комиязычная «северная» бригада переместилась на правый берег Пура и начала там вести оленеводство по «южной» технологии. Технологию, близкую к «южной», используют, по имеющимся у нас отрывочным сведениям, и немногочисленные комиязычные оленеводы оленеводческого предприятия «Верхнепуровский». В завершение описания следует также упомянуть, что в оленеводстве «северных» бригад имеются и черты, отличающие его от «классической» ижемской модели. Так, при зимнем выпасе оленей здесь активно применяются снегоходы, что позволяет оленеводам контролировать стада на большой территории и соответственно резко снизить количество зимних перекочевок (фактически большинство бригад сейчас стоит на одном месте в течение всего периода своего пребывания на зимних пастбищах). Впрочем, эта особенность характерна для всех современных ижемских оленеводов, включая оленеводов Большеземельской тундры [Истомин, 2015; Istomin et al., 2017].

Ижемские оленеводы Надымской тундры отошли от «классической» ижемской системы существенно дальше, чем оленеводы нижнего Пура. Объясняется это, видимо, географическим положением Надымской тундры, растянувшейся вдоль побережья Обской губы с севера на юг, достаточно пестрым национальным составом Ныдинского оленеводческого предприятия, с кон-

ца 1950-х гг. объединяющего всех оленеводов Надымского района (на этом предприятии трудятся ижемцы, лесные и тундровые ненцы, ханты), и большим количеством технологических новшеств советского времени, которые активно внедрялись на этом предприятии. В состав предприятия входят как «лесные» бригады, которые кочуют весь год в пределах лесной и лесотундровой полосы к югу и юго-востоку от сел Ныда и Нори, так и «тундровые», откочевывающие на лето в тундру. У первых, включающих большинство работающих на предприятии лесных ненцев и хантов, стада малого размера, преобладает неконтролируемый свободный их выпас и отсутствуют четкие маршруты кочевания. Тундровые бригады, в которых занято большинство тундровых ненцев, имеют большие стада и в целом строже их контролируют. Коми-ижемские семьи и целые комиязычные бригады присутствуют как среди лесных, так и среди тундровых бригад, хотя среди последних их больше.

Система кочевания даже тундровых бригад существенно отличается от «классической» большеземельской. Участки летнего выпаса тундровых бригад распределены здесь вдоль берега Обской губы один за другим с юга на север. Выйдя в начале весны с зимних пастбищ в лесотундровой зоне, бригады двигаются вдоль побережья губы, стремясь за короткий срок, желательно до схода снега, достигнуть своего участка. При этом те бригады, участки которых находятся севернее, в северной части Малого Ямала, вынуждены совершать колоссальные по протяженности дневные переходы — по 20–25 км, для того чтобы как можно быстрее пройти через летние участки других бригад и как можно меньше «напортить им землю» выпасом своих стад. Во время этой большой весенней перекочевки, которая в случае северных бригад занимает несколько недель, бригады из года в год следуют нескольким прогонным тропам. Выйдя на свой пастбищный участок, большинство бригад ставят там «Большие чума», около которых остается большая часть нарт с припасами и в которых все лето живут женщины и дети, в то время как мужчины (к ним иногда могут присоединиться несколько женщин) уходят кочевать со стадом по летнему участку, взяв с собой легкий «малый чум» и несколько нарт. Место установки «Больших чумов» меняется крайне редко, что позволило части современных оленеводов построить там вместо чумов стационарные балки. Кочевание мужчин со стадом в пределах бригадного летнего участка продолжается в течение всего бесснежного периода. При этом какой-либо установленный маршрут (не говоря уже о тропе) этого кочевания отсутствует, хотя бригады стараются стравливать участки своей летней территории в определенном порядке, чтобы регулярно возвращаться к «Большим чумам» для пополнения запасов продуктов и для того чтобы навестить там свои семьи.

В подавляющем большинстве тундровых бригад осуществляется круглосуточный надзор за стадом. Тем не менее элементы свободного выпаса тоже присутствуют: так, в части бригад по окончании периода активного лета комаров и овода (вторая половина августа) стада «запирают» на выдающемся в море мысу или в излучине большой реки, где животные в течение нескольких недель или даже одного-полутора месяцев пасутся безнадзорно. С выпадением первого снега и установлением санного пути бригады выходят с летних участков и начинают так же быстро, как и весной, двигаться к зимним пастбищам. В этот период высокая скорость объясняется тем, что северные бригады проходят через сильно стравленные участки более южных бригад.

Таким образом, у применяемой «тундровыми» оленеводами Надымского района технологии оленеводства отмечается ряд общих черт с «классическим» оленеводством ижемцев Большеземельской тундры и с оленеводством «северных» бригад нижнего Пура (интенсивный поднадзорный выпас и использование, хотя и в течение ограниченного времени, неизменных кочевых троп), но характеризуется она и чертами, более свойственными оленеводству восточных и юго-восточных групп тундровых ненцев (кочевание кругами, без определенных маршрутов, но с многократным возвращением в одну точку в летний период), а также имеет по крайней мере одну черту — стационарные летние «Большие чума», которая более свойственна оленеводам Восточной Сибири (чукчам и корякам), чем «ненецкого ареала». Эта, последняя черта, видимо, является продуктом развития некогда сильно пропагандировавшейся идеи бесчумного выпаса, которая на удивление удачно встроилась в сложившуюся здесь синкретическую оленеводческую технологию. Описанная технология характерна для всех тундровых бригад Ныдинской тундры, как комиязычных и относящих себя к ижемцам, так и ненецкоязычных и относящих себя к ненцам.

Наконец, наибольший отход от большеземельской модели выпаса фиксируется в оленеводстве Кольского п-ва. Применяемая здесь система выпаса уже неоднократно описывалась

как отечественными [Абрамов, 2015; Истомин, 2017], так и зарубежными исследователями [Vladimirova, 2006; Konstantinov, 2015], поэтому ограничимся кратким описанием. В современном оленеводстве Кольского п-ва преобладает свободный выпас оленей (сверхэкстенсивное оленеводство) и отсутствуют оленеводческие миграции. С начала июня и до глубокой осени олени пасутся без всякого надзора пастухов, и оленеводы не знают, где они находятся. В конце октября — начале ноября кольские оленеводы начинают собирать животных, путешествуя по всей северной части полуострова на снегоходах и сбивая в стада встречающиеся по пути группы оленей. Найденных животных также с помощью снегоходов загоняют на корали, где ведутся их подсчет, выбраковка, обмен найденными животными между двумя оленеводческими предприятиями полуострова и, в ряде случаев, разбивка на бригадные стада согласно ушным меткам. Сбор животных продолжается обычно до февраля, после чего они остаток зимы и весну выпасаются в бригадных стадах, которые оленеводы навещают на снегоходах, обычно один-три раза в месяц. Живут оленеводы при этом в поселке либо на стационарных промежуточных базах, принадлежащих предприятиям. После окончания отела оленей и проведения в некоторых бригадах весенних коральных работ, чтобы пометить новорожденных телят (для их последующей идентификации после сбора оленей осенью), стада вновь распускаются до весны.

Такая технология оленеводства имеет ближайшие аналогии в оленеводстве скандинавских саамов, а на территории нашей страны является, пожалуй, уникальной по степени экстенсивности. Обнаружить в ней какие-либо черты сходства с интенсивным оленеводством Печорского края второй половины XIX — начала XX в. достаточно сложно. Однако сходство с традиционной саамской системой выпаса, на самом деле, лишь внешнее: современное кольское оленеводство опирается на широкое применение технических средств, а также на модели поведения, сохранившиеся у оленей со времен интенсивного выпаса, и взаимоотношения между человеком и оленем в нем весьма далеки от тех, что существовали в традиционном хозяйстве саамов [Истомин, 2017]. Поэтому отличия кольского оленеводства от традиционного саамского не менее глубоки, чем от оленеводства Печорского края.

О понятии «ижемское оленеводство»

Приведенные описания показывают, что оленеводство современных потомков коми переселенцев из Печорского края отличается значительным разнообразием⁵. Это вызвано, по-видимому, как стремлением различных этноареальных групп ижемцев приспособиться к экологическим условиям новой родины и влиянием на них культуры и экономики местного населения, так и государственной политикой в отношении оленеводства, в особенности политикой советского времени (в отношении регионов расселения коми см.: [Dwyer, Istomin, 2009]). Главную же роль, пожалуй, сыграло то, что технологические особенности ижемского оленеводства в Большеземельской тундре определялись и, вероятно, поддерживались прежде всего товарным характером этой отрасли, ее ориентацией на максимизацию рыночной стоимости продукции. Коллективизация ижемских оленеводческих хозяйств привела к технологическим трансформациям отрасли, которые происходили по-разному в разных местах. Так или иначе, полевые данные позволяют сделать однозначный вывод, что современное оленеводство коми-ижемцев не обнаруживает единства в технологическом отношении. В свете этого вывода попытаемся выяснить, какое содержание может иметь понятие «ижемское оленеводство» и какова может быть сфера его применения. Нам представляется, что на данный вопрос могут быть три варианта ответа.

Во-первых, мы можем сохранить это понятие для обозначения технологической системы оленеводства, сложившейся у коми-ижемских оленеводов Большеземельской тундры во второй половине XIX в. («классическое оленеводство ижемцев Большеземельской тундры») и распространившейся оттуда в соседние регионы в процессе формирования этноареальных групп. Такое определение позволит оперировать понятием в исторических работах; но в этом случае придется признать, что сегодня ижемского оленеводства не существует вообще. Действительно, насколько нам известно, ни ижемцы, ни кто-либо другой не занимаются сейчас оленеводством так, как их предки во второй половине XIX — начале XX в. В частности, различия с оленеводством начала XX в. велики и в самой Большеземельской тундре: отказ от зимнего кочевания

---

⁵ Это наблюдение, на наш взгляд, справедливо и в отношении оленеводства других этноареальных групп коми на севере Западной Сибири (напр.: [Абрамов, 2017; Головнев, Дмитриева, 1993, с. 94; Лискевич, 2017; Южаков, Мухачев, 2001; и др.]).

на фоне перехода к моторизированному выпасу оленей [Истомин, 2015; Istomin et al., 2017] является одним из таких различий, хотя есть и множество других (см. анализ: [Dwyer, Istomin, 2009]). В этом отношении технология оленеводства, применяемая в настоящее время, скажем, на нижнем Пуре, ближе к «ижемскому оленеводству», но отличия велики и там.

Во-вторых, можно было бы обозначить термином «ижемское оленеводство» некий комплекс конкретных технологических приемов, например «пакование» оленей при выпасе и маневрирование со стадом, предполагающее его многократный прогон по пастбищным участкам, либо неких более общих технологических особенностей, например кочевание из тайги/лесотундры в тундру по неизменным меридиональным кочевым маршрутам при преимущественно поднадзорном (интенсивном) выпасе оленей. Действительно, именно кочевание по взргам и интенсивность выпаса обычно упоминаются в качестве «визитной карточки» оленеводства коми. Такое определение может с успехом применяться — и более того, имеет определенную эвристическую ценность — в исследованиях по современному оленеводству, причем как этнографических, так и выполняемых в сфере сельскохозяйственных наук, а также использующих междисциплинарные подходы. Но в этом случае придется заключить, что значительная часть, а возможно, и большинство современных ижемских оленеводов «ижемским оленеводством» не занимаются, поскольку у них отсутствуют одна или несколько указанных технологических черт и особенностей. Более того, именно ижемцы составляют большинство оленеводов, практикующих наиболее экстенсивное оленеводство в нашей стране — кольское. С другой стороны, многие современные оленеводы, в хозяйстве которых отмечаются указанные технологические особенности, не определяют себя как ижемцы и не являются их потомками. В частности, эти особенности характерны для оленеводства ненцев Ямальского п-ва — основного оленеводческого региона нашей страны сегодня. Поскольку существуют все основания считать, что там они появились без всякого влияния ижемцев или, по крайней мере, без прямого их влияния, то можно аргументированно заявить, что, хотя выделение указанных особенностей технологии в рамках единого понятия имеет смысл, использование для его обозначения термина «ижемское оленеводство» было бы крайне неудачным.

Наконец, третий возможный вариант — сохранить термин «ижемское оленеводство» не за технологическими особенностями выпаса оленей, а за определенным комплексом материальной и духовно-нормативной культуры. Действительно, хотя современные ижемские оленеводы выпасают оленей по-разному, они в большинстве своем обнаруживают значительное сходство в этих областях. Величину этого сходства, разумеется, не следует переоценивать: например у ижемцев Кольского п-ва, по полевым данным, не сохранилось ни чумов, ни меховой одежды, а из видов нарт в настоящее время используется только мужская ездвая (*дадь*), да и то главным образом во время спортивных состязаний на традиционном «Празднике севера». В районах расселения этноареальных групп коми-ижмцев элементы материальной культуры частично заимствуются местным населением, которое сохраняет память об их ижемском происхождении (к примеру, *нгызмаподер* — «ижемская упряжь» у ненцев, а также использование ими оборота *нгызма паны* — «ижемская ягушка» в отношении малицы у женщин и др.). Для обозначения общих элементов материальной и духовно-нормативной культуры подошел бы термин «ижемский оленеводческий комплекс», но он имеет аналогии в других культурах. Например, когда в этнографической литературе говорят о заимствовании различными группами (в том числе ижемцами) «ненецкого оленеводства», в качестве примеров обычно приводят заимствование именно элементов материальной культуры. Такое определение понятия вполне применимо в этнографии материальной культуры и в музейном деле, хотя возможность его использования в исследованиях по традиционному хозяйству весьма ограничена.

Заметим также, что все наблюдавшиеся авторами технологические системы оленеводства, применяющиеся современными коми-ижмцами, используются и оленеводами — представителями других этнических групп, живущими в том же районе. Так, оленеводство современных кольских коми ничем не отличается от оленеводства кольских саамов, работающих на тех же предприятиях, оленеводство тундровых бригад надымских ижемцев — от оленеводства тундровых бригад ненцев Ныдинского предприятия, а среди «северных» бригад СПК «Пуровский» есть как коми, так и ненецкие. По нашему мнению, этот факт показывает, что осмысленнее будет говорить о кольской, надымской тундровой, нижнепуровской системах оленеводства, а не делить в каждом случае оленеводство на ижемское и не ижемское или искать в местном оленеводстве ижемские черты. Рискнем предположить, что дело обстоит сходным образом и в слу-

чае групп ненецких, хантыйских и других оленеводов. Все это приводит нас к заключению, что этническая классификация оленеводства, возможно, не соответствует эмпирической реальности и задачам исследования современного оленеводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов И.В.* Оленеводы Кольской тундры: Локальные особенности снегоходной революции // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 26–32.
- Абрамов И.В.* Отгонное оленеводство в горах Северного Урала: История, маршруты и этносоциальное значение // Природные и исторические факторы формирования современных экосистем Среднего и Северного Урала. Якша: Изд-во Печоро-Ильчского заповедника, 2017. С. 4–8.
- Богораз-Тан В.Г.* Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // СЭ. 1932. № 4. С. 26–62.
- Богораз-Тан В.Г.* Оленеводство: Возникновение, развитие и перспективы // Проблемы происхождения домашних животных. Л.: 1933. С. 221–251. (Тр. Лаб. генетики АН СССР; Вып. 1).
- Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1. С. 63–87.
- Волжанина Е.А.* Из истории поселка Нори: 1920-е годы // Земля Тюменская: Ежегодник ТюмОКМ: 2003. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Вып. 17. С. 210–236.
- Головнев А.В.* К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 94–108.
- Головнев А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.
- Головнев А.В., Дмитриева Т.Н., Перевалова Е.В., Лезова С.В.* Касум-Ех: Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск: Исеть, 1993. 112 с.
- Дмитриев-Садовников Г.М.* Река Надым // ЕТГМ. 1917. Вып. XXIX. С. 25–43.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: В 3 т. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерия, 1996. 432 с.
- Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X — начало XIX в.). М.: Наука, 1982. 224 с.
- Истомин К.В.* Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 202 с.
- Истомин К.В.* Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: Снегоходная революция и рыночная реставрация // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 17–25.
- Истомин К.В.* О динамике культуры оленей на Кольском полуострове // УИВ. 2017. № 2 (55). С. 16–24.
- Керцелли С.В.* По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск: Губерн. типография, 1911.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А.* Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: Информационно-аналитический обзор. СПб.: ВВМ, 2004. Т. 1. 182 с.
- Козьмин В.А.* Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 236 с.
- Конаков Н.Д.* Становление крупнотабунного оленеводства на Кольском полуострове // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Труды ИЯЛИ. Сыктывкар: Коми филиал УрО АН СССР, 1986. Вып. 37. С. 42–56.
- Конаков Н.Д., Котов О.В.* Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники Пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 51–79.
- Конаков Н.Д., Котов О.В.* Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Конаков Н.Д., Котов О.В., Рочев Ю.Г.* Ижемские коми на Кольском полуострове. Сыктывкар: Коми филиал УрО АН СССР, 1984. Вып. 99. 52 с.
- Лашук Л.П.* Очерк этнической истории Печорского края: Опыт историко-этнографического исследования. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 199 с.
- Лискевич Н.А.* Оленеводство сосвинско-ляпинских коми в XX — начале XXI в. // Природные и исторические факторы формирования современных экосистем Среднего и Северного Урала. Якша: Изд-во Печоро-Ильчского заповедника, 2017. С. 107–114.
- Повод Н.А.* Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Старцев Г.* Влияние самоедов на ижемских зырян: (Язык и быт) // Коми му. 1926. № 11. С. 31–34.
- Хомич Л.В.* Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Русский двор, 1995. 336 с.
- Южаков А.А., Мухачев А.Д.* Этническое оленеводство Западной Сибири: ненецкий тип. Новосибирск, 2001. 112 с.
- Beach H.* Reindeer-Herd Management in Transition: The Case of Tuorpon Saameby in Northern Sweden. Uppsala: Uppsala. Academiae, 1981. 562 p.
- Beach H.* «Comparative Systems of Reindeer Herding» // The World of Pastoralism: Herding Systems in Comparative Perspective. L.: Belhaven Press, 1990. P. 255–298.

Кomi-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации

Dwyer M.J., Istomin K.V. Komi Reindeer Herding: The Effects of Socialist and Post-Socialist Change on Mobility and Land Use // *Polar Research*. 2009. No 28 (2). P. 282–97.

Istomin K.V. The Land to Herd and the Space to Travel: Comparing the Categorizations of Landscape among Komi and Nenets Reindeer Herding Nomads // *Nomadismus in Der «Alten Welt»: Formen Der Repräsentation in Vergangenheit Und Gegenwart*, edited by Laila Prager. Münster: LIT Verlag, 2011. S. 233–256.

Istomin K.V., Habeck J.O. Permafrost and Indigenous Land Use in the Northern Urals: Komi and Nenets Reindeer Husbandry // *Polar Science*. 2016. T. 10. No 10 (3). P. 278–287.

Istomin K.V., Popov A.A., Kim H. Snowmobile Revolution, Market Restoration, and Ecological Sustainability of Reindeer Herding: Changing Patterns of Micro- vs. Macromobility among Komi Reindeer Herders of Bol'shezemel'skaia Tundra // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2017. Vol. 6. No 2. P. 225–250.

Konstantinov Y. Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in Thereindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula // *Uppsala Studies in Cultural Anthropology* 56. Uppsala: Uppsala Universitet, 2015. P. 560.

Krupnik I. Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia. Exp Sub. Dartmouth College. 1993. 375 p

Schrenck A.G. Reise Nach Dem Nordosten Europäischen Russlands Durch Die Tundren Der Samojeden Zum Arktischen Uralgebirge. Dorpat (Tartu): Heinrich Lautmann, 1848 p.

Took R. Running with Reindeer: Encounters in Russian Lapland. Oxford: Westview Press, 2004. 398 p.

Vladimirova V. Just Labor: Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Community // *Uppsala Studies in Cultural Anthropology*. Uppsala: Univ., 2006. 433 p.

K.V. Istomin*, N.A. Liskevich**, O.I. Ulyashev*

*Institute of Language, Literature and History
Komi Science Centre of Ural Branch RAS
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167000, Russian Federation
E-mail: kistomin@naver.com;
oulyashev@mail.ru

**Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: povod_n@mail.ru

IZHMA-KOMI REINDEER HERDING: ETHNIC INVARIANTS AND LOCAL VARIATIONS

This article raises a problem of reindeer herding types. On the basis of ethnographic fieldwork data the authors compare technological traits and herding techniques of the «classical» Izhma-Komi reindeer herding of Bol'shezemel'skaya tundra to those observed in the easternmost and the westernmost local groups of Komi herders. This comparison shows significant differences in reindeer herding technology between the groups. This raises questions about the exact content of the term «Izhma Komi Reindeer herding» and about the spheres of its application. The analysis shows that this term can refer to 1) a technological system of reindeer herding that existed among the Izhma-Komi of Bolshezemel'skaya tundra in the second half of the 19th century, but currently does not exist anywhere; 2) a certain set of herding techniques, which is used by some, but not all modern Komi reindeer herders as well as representatives of other ethnic groups nomadizing in the same environmental zone; 3) common traits of material, spiritual and normative culture, which can be observed in most (but again not all) groups of Komi reindeer herders, can be related to reindeer herding, but they do not form a part of reindeer herding economy in the strict sense. The third meaning of the term makes the most sense, but it makes the application of the notion rather limited as far as the studies of traditional economy are concerned.

Key words: Izhma-Komi, Izhma-Komi reindeer herding, reindeer herding technology, reindeer herding typology.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-114-125

REFERENCES

Abramov I.V., 2015. Olenevody Kolskoy tundry: Lokalnyye osobennosti snegokhodnoy revolyutsii [Reindeer herders of Kola Peninsula: Local peculiarities of the snowmobile revolution]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no. 2 (47), pp. 26–32.

Abramov I.V., 2017. Otgonnoye olenevodstvo v gorakh Severnogo Urala: Istoriya, marshruty i etnosotsialnoye znacheniyе [Altitudinal reindeer herding of Northern Urals: History, migration routes and ethno-social significance]. *Prirodnyye i istoricheskiye faktory formirovaniya sovremennykh ekosistem Srednego i Severnogo Urala*. Yaksha: Izd-vo Pechoro-Ilychskogo zap-ka, pp. 4–8.

Beach H., 1981. *Reindeer-Herd Management in Transition: The Case of Tuorpon Saameby in Northern Sweden*. Uppsala: Upsaliensis Academiae, 562 p.

- Beach H., 1990. «Comparative Systems of Reindeer Herding». *The World of Pastoralism: Herding Systems in Comparative Perspective*, London: Belhaven Press, pp. 255–298.
- Bogoraz-Tan V.G., 1933. Severnoye olenevodstvo po dannym khozaistvennoi perepisi 1926–1927 gg. [Northern reindeer herding in accordance to the data from the households' census of 1926–1927]. *SE*, no. 4, pp. 26–62.
- Bogoraz-Tan V.G., 1933. Olenevodstvo: Voznikoveniye, razvitiye i perspektivy [Reindeer herding: Its origin, development and future perspectives]. *Problemy proiskhozhdeniya domashnikh zhivotnykh*, Leningrad, pp. 221–251.
- Dmitriyev-Sadovnikov G.M., 1917. Reka Nadym [Nadym river]. *ETGM*, XXIX, pp. 25–43.
- Dunin-Gorkavich A.A., 1996. *Tobolskiy Sever* [Tobol North], vol. 2: Geograficheskoye i statistiko-ekonomicheskoye opisaniye strany po otdelnym geograficheskim rayonam, Moscow: Libereya, 432 p.
- Dwyer M.J., Istomin K.V., 2009. Komi Reindeer Herding: The Effects of Socialist and Post-Socialist Change on Mobility and Land Use. *Polar Research*, no. 28 (2), pp. 282–297.
- Golovnev A.V., 1989. K istorii nenetskogo olenevodstva [On the history of Nenets reindeer herding]. *Kulturnyye i khozyaystvennyye traditsii narodov Zapadnoy Sibiri*, Novosibirsk: Nauka, pp. 94–108.
- Golovnev A.V., 1993. *Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severo-Zapadnoy Sibiri* [Historical typology of economies of North-Western Siberia peoples], Novosibirsk: Izd-vo NGU, 204 p.
- Golovnev A.V., Dmitriyeva T.N., Perevalova E.V., Lezova S.V., 1993. *Kasum-Ekh: Materialy dlya obosnovaniya proyekta etnicheskoy statusnoy territorii* [Kasum-Ekh: Materials to justify the project of an ethnic status territory], Shadrinsk: Iset, 112 p.
- Istomin K.V., 2011. The Land to Herd and the Space to Travel: Comparing the Categorizations of Landscape among Komi and Nenets Reindeer Herding Nomads. *Nomadismus in Der «Alten Welt»: Formen Der Repräsentation in Vergangenheit Und Gegenwart*, Münster: LIT Verlag, pp. 233–256.
- Istomin K.V., 2015. Kochevaya mobilnost komi-izhemskiikh olenevodov: Snegokhodnaya revolyutsiya i rynochnaya restavratsiya [Nomadic mobility of Izhma-Komi reindeer herders: Snowmobile revolution and market restoration]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no. 2 (47), pp. 17–25.
- Istomin K.V., 2017. O dinamike kultury oleney na Kolskom poluostrove [On the dynamics of reindeer culture on the Kola Peninsula]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no. 2 (55), pp. 16–24.
- Istomin K.V., Habeck J.O., 2016. Permafrost and Indigenous Land Use in the Northern Urals: Komi and Nenets Reindeer Husbandry. *Polar Science*, vol. 10, no. 10 (3), pp. 278–287.
- Istomin K.V., Popov A.A., Kim H., 2017. Snowmobile Revolution, Market Restoration, and Ecological Sustainability of Reindeer Herding: Changing Patterns of Micro- vs. Macromobility among Komi Reindeer Herders of Bol'shezemel'skaia Tundra. *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, vol. 6, no. 2, pp. 225–250.
- Kertselli S.V., 1911. *Po Bolshezemel'skoy tundre s kochevnikami* [Through the Bolshezemel'skaya Tundra with nomads], Arkhangel'sk: Gubernskaya tipografiya.
- Khomich L.V., 1995. *Nentsy: Ocherki traditsionnoy kultury* [Nenets: Essays on traditional culture], St. Petersburg: Russkiy dvor, 336 p.
- Klokov K.B., Khrushchev S.A., 2004. *Olenevodcheskoye khozyaystvo korennykh narodov Severa Rossii: Informatsionno-analiticheskiy obzor* [Reindeer herding economy of the aboriginal peoples of Russian North: Information and analytic review], vol. 1, St. Petersburg: VVM, 182 p.
- Kozmin V.A., 2003. *Olenevodcheskaya kultura narodov Zapadnoy Sibiri* [Reindeer herding cultures of Western Siberian peoples], St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 236 p.
- Konakov N.D., 1986. Stanovleniye krupnotabunnogo olenevodstva na Kolskom poluostrove [The rise of large-herd reindeer herding on the Kola Peninsula]. *Traditsii i sovremennost v kulture selskogo naseleniya Komi ASSR*, 37, Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR, pp. 42–56.
- Konakov N.D., Kotov O.V., 1989. Izhemtsy v Murmanskom Zapolyarye [Izhma Komi in the Murmansk circumpolar area]. *Rodniki Pamy*, Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo, pp. 51–79.
- Konakov N.D., Kotov O.V., 1991. *Etnoarealnyye gruppy komi: Formirovaniye i sovremennoye etnokulturnoye sostoyaniye* [Ethnoareal groups of Komi: Their formation and modern ethnic and cultural situation], Moscow: Nauka, 232 p.
- Konakov N.D., Kotov O.V., Rochev Yu.G., 1984. *Izhemskiye komi na Kolskom poluostrove* [Izhma Komi on the Kola Peninsula], 99, Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR, 52 p.
- Konstantinov Y., 2015. Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in Thereindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula. *Uppsala Studies in Cultural Anthropology*, Uppsala: Uppsala Universitet, p. 56.
- Krupnik I., 1993. *Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia*. Exp Sub. Dartmouth College, 375 p.
- Lashuk L.P., 1958. *Ocherk etnicheskoy istorii Pechorskogo kraya: Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya* [An essay on the ethnic history of the Pechora region: An attempt of a study in historical ethnography], Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo, 199 p.
- Liskevich N.A., 2017. Olenevodstvo sosvinsko-lyapinskiikh komi v XX — nachale XXI v. [Reindeer herding of Sova-Lapin group of Komi in 20th — beginning of 21st century]. *Prirodnyye i istoricheskiye faktory formirovaniya sovremennykh ekosistem Srednego i Severnogo Urala*, Yaksha: Izd-vo Pechoro-Ilychskogo zap-ka, pp. 107–114.

Ками-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации

Povod N.A., 2006. *Komi Severnogo Zauralia (XIX — pervaya chetvert XX v.)* [Komi of Northern Trans-Urals (19th — the first quarter of 20th century)], Novosibirsk: Nauka, 272 p.

Schrenck A.G., 1848. *Reise Nach Dem Nordosten Europäischen Russlands Durch Die Tundren Der Samojeden Zum Arktischen Uralgebirge*, Dorpat (Tartu): Heinrich Lautmann.

Startsev G., 1926. Vliyaniye samoyedov na izhenskikh zyryan: (Yazyk i byt) [The impact of Samoyeds on Izh-ma Komi: (Language and every day life)]. *Komi mu*, no. 11, pp. 31–34.

Took R., 2004. *Running with Reindeer: Encounters in Russian Lapland*, Oxford: Westview Press, 398 p.

Vasilevich G.M., Levin M.G., 1951. Tipy olenevodstva i ikh proiskhozhdeniye [Types of reindeer herding and their origin]. *SE*, no. 1, pp. 63–87.

Vladimirova V., 2006. Just Labor: Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Community. *Uppsala Studies in Cultural Anthropology*. Uppsala: Univ., 433 p.

Volzhanina E.A., 2004. Iz istorii poselka Nori: 1920-e gody [From the history of Nori village: 1920s]. *Zemlya Tyumenskaya: Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya: 2003*, 17, Tyumen: Izd-vo TyumGU, pp. 210–236.

Yuzhakov A.A., Mukhachev A.D., 2001. *Etnicheskoye olenevodstvo Zapadnoy Sibiri: Nenetskiy tip* [Ethnic reindeer herding of Western Siberia: Nenets type], Novosibirsk, 112 p.

Zherebtsov L.N., 1982. *Istoriko-kulturnyye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami (X — nachalo XIX v.)* [Historic cultural relations between Komi and neighboring peoples (10th — early 19th century)], Moscow: Nauka, 224 p.